

DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-283-296

УДК 091+271.2+82-52+821.161.1

«ДЕРЖАТЬСЯ КРЕПКО ПРОТИВ НАПОРА НЕМЕТЧИНЫ...»: ПИСЬМО Е.В. ЧЕШИХИНА Н.П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ О СИТУАЦИИ В ПРИБАЛТИЙСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ 1870-х гг.¹

Крот Максим Николаевич

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
mnkrot@sfnedu.ru

Аннотация. Прибалтийские губернии, вошедшие в состав Российской империи в XVIII в., в течение почти полутора столетий обладали особым статусом, закреплявшим наличие в регионе особого законодательства, собственной судебной системы, местного самоуправления, а также широких привилегий, которыми обладала немецкая элита края, подвергавшая суровой эксплуатации коренное латышское и эстонское население. Модернизационные процессы, охватившие Россию в середине XIX в., рост национально-патриотических настроений в обществе, а также реальная угроза германизации края способствовали пересмотру сохранявшихся в крае отношений. Инициатива обширных реформ в Прибалтийском крае, направленных не только на его административно-правовую и языковую унификацию, но и на защиту интересов местного населения, исходила не от государственных чиновников, а от представителей русской центральной и региональной общественности. Среди последних наиболее видное место занимал редактор газеты «Рижский вестник», открыто отстаивавшей русские государственные интересы в Прибалтике, Евграф Васильевич Чешихин, письмо которого к видному московскому публицисту Н.П. Гилярову-Платонову представлено в настоящей публикации. Анализ содержания данного письма позволяет составить представление о причинах и основных направлениях программы преобразований в Прибалтийском крае и роли региональной русской общественности в ее формировании.

Ключевые слова: Российская империя, Прибалтийские губернии, Рига, Е.В. Чешихин, «Рижский вестник», остзейское дворянство, латыши, Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, германизация, народное образование.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ 22-28-01912 ««Мягкая сила» империи: неконфликтные формы и практики интеграции западных регионов России в 1881–1904 гг.».

“HOLD ON TIGHT AGAINST THE PRESSURE OF THE GERMANS...”: LETTER FROM E.V. CHESHIKHIN TO N.P. GILYAROV-PLATONOV ABOUT THE SITUATION IN THE BALTIC REGION IN THE LATE 1870s

Krot Maxim N.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
mnkrot@sfnedu.ru

Abstract. The Baltic provinces, which became part of the Russian Empire in the 18th century, for almost a century and a half had a special status that secured the presence in the region of special legislation, its own judicial system, local self-government, as well as wide privileges that the German elite of the region had, subjected to severe exploitation of the indigenous Latvian and Estonian population. However, the modernization processes that swept Russia in the middle of the 19th century, as well as the growth of national-patriotic sentiments in society, as well as the real threat of the Germanization of the region, contributed to the revision of the relations that remained in the region. The initiative for extensive reforms in the Baltic region, aimed not only at its administrative, legal and linguistic unification, but also at protecting the interests of the local population, did not come from government officials, but from representatives of the Russian central and regional public. Among the latter, the most prominent place was occupied by the editor of the newspaper “Rizhsky Vestnik”, which openly defended Russian state interests in the Baltic states, Evgraf Vasilyevich Cheshikhin, whose letter to the prominent Moscow publicist N.P. Gilyarov-Platonov is presented in this publication. An analysis of the content of this letter allows us to get an idea of the causes and main directions of the reform program in the Baltic region and the role of the regional Russian public in its formation.

Keywords: Russian Empire, Baltic provinces, Riga, E.V. Cheshikhin, “Rizhskiy vestnik”, Baltic nobility, Latvians, Third branch of His Imperial Majesty’s Chancellery, germanization, public education.

Цитирование: Крот М.Н. «Держаться крепко против напора неметчины...»: письмо Е.В. Чешихина Н.П. Гилярову-Платонову о ситуации в Прибалтийском крае в конце 1870-х гг. // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 283–296. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-283-296 / Krot M.N. “Hold on Tight against the Pressure of the Germans ...”: Letter from E.V. Cheshikhin to N.P. Gilyarov-Platonov about the Situation in the Baltic Region in the Late 1870s, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 3. Pp. 283–296. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-283-296.

© Крот М.Н., 2023

В сентябре 1879 г. руководство всесильного в эту эпоху Третьего отделения Императорской канцелярии направило в Москву и Ригу губернским жандармским начальникам срочные и строго секретные телеграммы, в которых содержалось требование немедленно предоставить всю имеющуюся информацию о «некоем Е. Чешихине» — его характере, роде занятий, образе мысли и политической благонадежности [ГАРФ, ф. 109, оп. 3а, д. 1288, л. 7]. Столь пристальный интерес тайной полиции к фигуре русского рижанина был вызван содержанием перлюстрированного письма, отправленного им из Риги в Москву к известному публицисту и издателю Н.П. Гилярову-Платонову, в котором автор откровенно излагал свои взгляды на ситуацию в Прибалтийских губерниях, обрушивался с резкой критикой на местную администрацию и предлагал ряд преобразований, направленных на освобождение местных прибалтийских народов из-под гнета «неметчины». Поднятая в письме проблема, изложенная достаточно эмоционально и резко, находилась в русле нараставшей общественной дискуссии о «ненормальности» положения прибалтийской окраины в составе империи, вызывавшей резкое неудовольствие верховной власти — как ее содержанием, так и самим фактом публичного обсуждения данного вопроса.

Прибалтийские губернии, включенные в состав Российской империи по итогам Северной войны 1700–1721 гг. и в результате третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г., в течение длительного времени обладали особым статусом, собственным законодательством, основывавшимся на привилегиях прибалтийско-немецкого дворянства и бюргерства, закрепленных русскими монархами. Немецкая элита, в состав которой входили дворяне-землевладельцы, зажиточное городское бюргерство и местная интеллигенция — литераты, монополизировала за собой господствующее положение в управленческой, судебной, экономической и культурно-образовательной сферах. Коренные народности края — латыши и эсты, составляющие подавляющее большинство местного населения, находились в подчиненном положении по отношению к немецкому меньшинству, с середины XIX в. испытывая на себе его мощное ассимиляционное воздействие, осуществлявшееся посредством широкого распространения немецкого языка и образования. Даже русские, проживавшие в Прибалтийских губерниях в течение нескольких поколений, не обладали равными с немцами правами, находясь фактически в статусе иностранцев.

Следует отметить, что данное положение сохранялось на протяжении почти полутора столетий во многом благодаря покровительству со стороны верховной власти, которая в лице остзейцев имела лояльнейших, хорошо образованных подданных, являвшихся эффективным кадровым источником для всех сфер жизни общества, требовавших достаточной интеллектуальной подготовки. Остзейские военные, врачи, инженеры, педагоги верно несли службу самодержавному престолу, внося немалый вклад в приумножение его славы и величия, и верховная власть, по достоинству оценивавшая службу остзейцев, неизменно выступала на их стороне, жестко подавляя любые выступления местного населения, стремившегося в лице царского правительства и Православной церкви найти защиту от гнета и притеснений со стороны немецкой элиты.

Однако во второй половине XIX в. в условиях всесторонней модернизации российского общества архаичность сохранявшихся в Прибалтике феодальных порядков становится все более очевидной как для российской общественности, так и для представителей имперских властей, постепенно осознававших необходимость унификации имперского пространства, реформирования местных институтов в соответствии с общеимперскими стандартами, а также распространения государственного языка в административной, деловой и культурно-образовательной среде. Данное осознание во многом явилось результатом интеллектуальных и публицистических усилий представителей центральной и региональной русской национально-консервативной общественности, сформировавших соответствующее общественное мнение и оказавших существенное воздействие на верховную власть, побудив ее перейти к пересмотру традиционной политики в отношении Прибалтийских губерний.

Первым русским общественным деятелем, открыто заявившим о необходимости коренного преобразования «неестественного» положения Остзейского края в составе Российской империи, был Ю.Ф. Самарин, впервые изложивший собственные взгляды на комплекс проблем прибалтийской окраины еще в конце 1840-х гг. в своих «Письмах из Риги» и развивший их уже в пореформенный период в сборнике «Окраины России», которые вызвали серьезное недовольство верховной власти и огромный резонанс в русском обществе [Самарин, 1889; Самарин, 1890]. На протяжении длительного времени большое внимание остзейской проблематике в своих публикациях уделяли такие видные консервативные публицисты, как М.Н. Катков [Лебедева, 2018] и И.С. Аксаков [Емельянов, 2014], указывавшие на необходимость проведения радикальных реформ в крае, направленных на его «слияние» с Россией.

Однако обсуждение данного вопроса происходило не только в центре страны, в кругу известных и именитых общественных деятелей, но и на самой прибалтийской окраине, где местное русское меньшинство настойчиво стремилось привлечь внимание имперских властей к проблемам своего региона. Одним из наиболее активных русских прибалтийских деятелей, на протяжении большей части своей жизни при помощи печатного слова отстаивавший интересы не только русского населения, но и коренных местных народов, был редактор «Рижского вестника» — старейшей русской газеты в Прибалтике — Евграф Васильевич Чешихин.

Будущий видный русский публицист, краевед, просветитель, судьба которого оказалась неразрывно связана с прибалтийской окраиной, родился 6 декабря 1824 г. в Оренбурге, в семье военного аудитора. Его общественные взгляды сформировались уже в студенческие годы (с 1843 по 1847 г. он учился на философском факультете Московского университета). В это время молодой человек с головой погрузился в пучину дебатов о прошлом и будущем России, развернувшихся между западниками и славянофилами, познакомившись с такими видными интеллектуалами, как Т.Н. Грановский, А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, братья Аксаковы. Взгляды славянофилов были ближе и понятнее молодому студенту, определив направление его будущей интеллектуальной деятельности и общественно-политических взглядов [Выдающиеся русские..., 2008].

Сложное финансовое положение семьи заставило его отказаться от научно-педагогической карьеры и поступить на бухгалтерскую службу в польском Замостье, откуда в 1862 г. он перевелся в Ригу на должность делопроизводителя в местном окружном инженерном управлении. Действенная и гуманистическая натура человека 1840-х гг., каким являлся Е.В. Чехихин, не позволила ему смириться с архаичным городским укладом столицы Лифляндии, в которой русские жители чувствовали себя иноземцами. Государственную службу он активно совмещал с общественной деятельностью, направленной на выражение русских национальных устремлений, смутно осознаваемых местным русским обществом. Он принимал деятельное участие в открытии двух русских гимназий в Риге, читал публичные лекции по русской истории, являлся активным участником рижского Петропавловского православного общества и основателем местного русского литературного кружка, но главным делом его жизни стало основание первой частной русской газеты Прибалтики — «Рижского вестника» в 1869 г.

Первоначально дела газеты шли трудно, поскольку она не привлекла внимания местного русского общества, возбудив у него, скорее, боязливое сомнение, поскольку на ее страницах стало громко обсуждаться то, о чем в Риге не принято было говорить — нужды русского населения края, эсто-латышские народные потребности, необходимость распространения на Прибалтийский край общероссийского законодательства и реформ [Памяти Евграфа..., 1913, с. 12–13]. Многие рижане указывали Чехихину на желательность издания «русской газеты на немецком языке», которая была бы обращена к прибалтийским немцам и действовала бы в «примирительном духе», на что редактор неизменно отвечал, что по прибалтийскому вопросу все русские газеты могут быть лишь одного мнения, подчеркивая, что «в России не может быть никакого другого патриотизма, кроме русского!» [Двадцатипятилетие..., 1893]. Главную задачу русского окраинного печатного органа, придерживавшегося «строго национального направления», Чехихин видел в «пробуждении самосознания в местном русском обществе, разъяснении в истинно русском духе всех местных вопросов», а также в отстаивании «с неизменной энергией и постоянством интересов русского государства в отношении прибалтийской окраины» [Рижский вестник, 1883]. Благодаря неустанной энергии редактора, не получавшего никаких правительственных субсидий и сумевшего найти надежную материальную и идейную поддержку лишь в лице И.С. Аксакова и представителей кружка его единомышленников, чьи убеждения и взгляды Чехихин разделял, «Рижский вестник» сумел не только выжить в крайне неблагоприятных внешних условиях, но постепенно заявить о себе, сформировать устойчивый круг подписчиков, отстаивая свои взгляды на протяжении многих лет, и в итоге сыграть свою роль в трансформации правительственной политики в отношении Прибалтики в 1880-е гг.

Примечательно, что вплоть до конца 1870-х гг. газета Чехихина и он сам практически не попадали в поле зрения верховной власти, несмотря на то что издание последовательно отстаивало русские государственные интересы на прибалтийской окраине. Однако содержание публикуемого письма, а также его резкий и эмоциональный тон не могли не обратить на себя внимания сотрудников III Отделения.

Письмо было доведено до сведения императора Александра II, который 14 сентября 1879 г., пребывая в Ливадии, ознакомился с ним и собственноручно начертил на полях краткий и емкий вопрос — «Кто такой?» [ГАРФ, ф. 109, оп. 3а, д. 1288, л. 1]

Ответ на указанный в начале статьи запрос Лифляндского губернского жандармского начальника, лично знакомого с Чехихиным, последовавший 22 сентября 1879 г., видимо, сумел убедить монарха и сотрудников III Отделения в полной политической благонадежности автора, поскольку каких-либо мер в отношении его или издаваемой им газеты не последовало. В нем значилось, что коллежский советник Евграф Васильевич Чехихин, служащий чиновником в управлении начальника Рижской инженерной дистанции, «с разрешения начальства состоит редактором русской газеты “Рижский вестник”... ведет жизнь труженика... кроме занятий по двум своим должностям, занят разработкой материалов для истории Прибалтийского края» [ГАРФ, ф. 109, оп. 3а, д. 1288, л. 8]. Особо подчеркивалось, что «этот человек искренне религиозный, а по политическим убеждениям — консерватор. В русском обществе он пользуется всеобщим уважением; немецкое же рижское общество его недолюбливает, за то, что в редактируемой им газете он настойчиво держится убеждения в необходимости объединения Остзейского края с остальной Россией» [ГАРФ, ф. 109, оп. 3а, д. 1288, л. 8об.].

Публикуемое письмо представляет значительный научный интерес сразу по нескольким направлениям. В первую очередь, оно дает возможность составить представление о взглядах Е.В. Чехихина как одного из видных и при этом типичных представителей патриотически настроенной русской региональной общественности на ситуацию в Прибалтике накануне активизации имперской унификационной политики в 1880-е гг., — взглядах, которые по цензурным соображениям не могли быть изложены на страницах местных периодических изданий. В письме ярко изображена реальная угроза германизации региона, резко усилившаяся в 1860–1870-е гг., целенаправленно осуществлявшаяся немецкой элитой посредством народного образования. Автор настаивает на необходимости противодействия данным усилиям остзейцев посредством решительного вытеснения немецкого языка из образовательной сферы русским государственным языком, необходимость которого была обусловлена не только государственным интересом, но и практическими нуждами местного населения.

Наиболее эмоциональная часть письма связана с резкой критикой правительственной политики в отношении прибалтийской окраины, которая в течение длительного времени проводилась в интересах остзейской элиты, ущемлявшей права местного латышского и эстонского населения, несмотря на то, что последнее, по мнению Чехихина, являлось потенциальным союзником русского правительства в борьбе против усиливавшегося «напора неметчины». Особое негодование автора письма вызвало символическое использование немецкого языка курляндским губернатором О.Ф. Лиленфельдом в обращении к представителям местного народа на традиционном празднике 26 августа 1879 г., ход которого был подробно освещен на страницах «Рижского вестника» [О курляндском латышском празднестве..., 1879].

Значительный интерес представляет также сообщаемая автором информация о настроениях среди местного населения и характеристика эстонских и латышских газет, направление и характер которых были хорошо знакомы Чехихину в рамках его профессиональной деятельности.

Публикуемый документ хранится в фонде Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и представляет собой переписанную выписку из письма, на верхнем поле которой имеется пометка, сделанная рукой императора Александра II и комментариев к ней [ГАРФ, ф. 109, оп. 3а, д. 1288, л. 1–6]. Его введение в научный оборот существенно дополнит имеющиеся представления о реальной социально-политической обстановке в Прибалтике в конце 1870-х гг. и позволит составить представление о позиции местной русской национально-консервативной общественности, участвовавшей в формировании программы преобразований, направленной на защиту русских государственных интересов в крае.

Подготовка документа к публикации осуществлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (2-е изд., М., 1990). Стилистические и фонетические особенности текста, порядок использования прописных букв сохранены, орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами русского языка. Документ публикуется впервые.

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА Е.В. ЧЕШИХИНА ИЗ РИГИ, ОТ 1 СЕНТЯБРЯ 1879 Г. К Н.П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ, В МОСКВУ.

Имеется отметка Александра II

//Л. 1. *Кто такой?*¹

Собственной Его Величество рукой карандашом начертано «Кто такой?» Ливадия, Сентября 14-го дня, 1879 года. С. Петербург Сентября 19 дня 1879 г. Генерал-адъютант Дрентельн².

Выписка из письма с подписью «Е. Чехихин из Риги, от 1 сентября 1879 г., к Никите Петровичу Гилярову-Платонову³, в Москву.

---

¹ Написано карандашом императором Александром II.

² Написано рукой шефа жандармов генерал-адъютанта Дрентельна. Дрентельн Александр Романович (1820–1888) – русский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. С 1878 по 1880 гг. возглавлял Третье отделение Его Императорского Величества канцелярии.

³ Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824–1887) – русский общественный деятель, публицист, литературный критик, философ-богослов, издатель московской ежедневной газеты «Современные известия», близкий по своим взглядам к славянофилам. Активно сотрудничал со славянофильскими («Русская беседа», «День», Москва, «Русь») и консервативными («Русский вестник») изданиями, на страницах которых публиковал многочисленные статьи по философии, богословию, экономической теории, а также по актуальным общественным вопросам современности.

В наши дни Прибалтийский край стоит накануне реформ: городская реформа – факт уже свершившийся¹; о неминувости судебной реформы в городах правительство заявило уже, а затем, как неперемное следствие этого, должна последовать и реформа земская. Основания еще неизвестны, но рано или поздно, так или иначе, преобразование должно последовать, ибо судоустройство и судопроизводство края обветшали уже до последней крайности.

Реформенный период не падает на нынешнюю Ливонию неожиданно. Напротив, Ливонцы отлично понимали, что как только в Российской Империи произошло освобождение крестьян, то и им не уйти от реформ, и притом коренных, так как все их сословное управление, – даже самый свод местных узаконений², является совершенною аномалией в государстве. Видели необходимость реформ решительно

//Л. 1 об. все: и Латыши, и Эстонцы, и Немцы, и Русские; но вместе с тем ливонские немецкие колонисты ясно увидели, что они не подготовлены к реформам; что они составляют самую ничтожную часть всего ливонского населения; что их правам и преимуществам, столь для них выгодным, грозит самая серьезная опасность, если правительство признает наконец ненормальность порядков, в силу которых 9/10 населения кормит и холит на свой счет одну десятую. Превратить в себя эти 9/10, превратить всю Ливонию в сплошную немецкую землю сделалось, с 1861 года, задачей ливонских немецких колонистов.

Епископ Вальтер произнес тогда речь перед открытием ландтага³, в дворянской церкви Св. Иакова, выразившую ясную, точную, определенную программу всей деятельности немецких ливонских колонистов: «тяжкое преступление совершило лифляндское дворянство», говорил он, «не германизовав туземцев Ливонии. Оно не исполнило своего долга, завещанного ему предками, не присоединив к немецкой культуре Латышей и эстов, и

//Л. 2. тем самым, нанесло себе величайший вред, ибо не имеет себе никакой опоры в массах, стоит особняком от них. Время еще не ушло – покайтесь и исправьтесь, – исполните то, что давно должны были исполнить ваши предки».

---

¹ В 1877 г. на Прибалтийские губернии было распространено «Городовое положение» 1870 г., согласно которому в городах упразднялись старые сословные магистраты и вводились новые правила выборов в органы городского самоуправления, основанные на имущественном цензе и предоставлявшие возможность участия в выборах не только немцам, но и представителям других национальностей.

² Свод местных узаконений губерний Остзейских – трехтомный кодекс правовых норм, действовавших в трех Прибалтийских губерниях – Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, первые две части которого – об учреждениях и состояниях – были приняты в 1845 г., третья (по гражданскому праву) – в 1864 г. Изложенные в Своде узаконения имели сословный характер и существенно отличались от русского законодательства, являясь во многом схожими с германским правом.

³ Весной 1864 г. при открытии рижского ландтага лифляндский генерал-суперинтендант К.Ф. Вальтер произнес резонансную речь, в которой указал на исключительно немецкий характер остзейского края и подчеркнул необходимость германизации его коренного населения, которая объявлялась долгом остзейцев перед их исторической родиной – Германией.

Наше правительство немедленно же после проповеди отрешило Вальтера от должности лифляндского генерал-суперинтенданта¹ и выслало его из Риги. Думали устрашить колонистов примером строгости за антигосударственную программу, но забыли, что ливонские колонисты вовсе не такой народ, который можно застрашать канцелярскими бумагами. Слетел Вальтер — и путь отдохнет на покое! Но он, мол, правду сказал — будь как Ливония сплошной немецкою землею, обратись все туземцы и все Русские, проживающие в Ливонии, в Немцев, — мы бы иначе заговорили: пусть будут реформы, но только оставьте в покое нас со своими русскими реформами, они нам не нужны; нам нужна «автономная своеобразность», нужно полное отделение от России, в роде Финляндии, с своим судом и управой,

//Л. 2об. с своим сеймом, своим законодательством, а войска, пожалуй, не нужно, — дорого стоит, а для экзекуций и усмирений свое можете присылать! Мы ничего не имеем общего с Россией; мы и Ливонию-то не признаем своим отечеством, а Россию тем более...

Осуществление программы Вальтера было заманчиво: 1) можно было забрать в свои руки все гавани Балтийского моря от Либавы до Ревеля, — следовательно, всю русскую торговлю, а это такое кормление, которое и во сне не грезилось ни рыцарям, ни честным бискупам; 2) можно подготовить почву и для совершенной отвалки от России, наподобие того, как отвалились от Польши и пристали к Швеции, отвалились от Швеции и пристали к России.

Трудное это дело, но оно не казалось Ливонцам неисполнимым, тем более что они надеялись, что Русские, по своему добродушию и неслыханной доверчивости, сами непременно им помогут, ибо где им, мол, понять, расчухать такое дело! Не поняли же русские в 1819 г., что значит

//Л. 3. ливонское освобождение крестьян² и помогли обезземелить туземцев, т.е. закрепить их помещикам в такую кабалу, из которой не вылезешь; не поняли и крестьянского движения 1841–1845 годов³; православные так дули сквозь строй

---

¹ Генерал-суперинтендант — высшая церковная должность в лютеранстве на территории консисториального округа.

² Освобождение крестьян в Прибалтийских губерниях произошло в 1816–1819 гг. по инициативе остзейского дворянства на условии закрепления всей земельной собственности за помещиками. Крестьяне получали личную свободу (без выкупа) и право пользоваться земельными наделами на правах договора аренды, условия которого в одностороннем порядке диктовались помещиком. Несмотря на получение личной свободы, право свободного перемещения в пределах губернии (с разрешения помещика и волостного суда) лифляндские крестьяне получили только в 1832 г. Остзейский вариант освобождения крестьян, при котором права последних практически не защищались законом, признавался передовой русской общественностью «грабительским».

³ Массовые переходы прибалтийских крестьян в православие, происходившие в 1841–1849 гг., являлись проявлением социального протеста против экономических притеснений со стороны немецкого дворянства, союзником которого выступала лютеранская церковь. Всего в православие перешло до 60 тыс. прибалтийских (преимущественно латышских) крестьян, которые руководствовались не только надеждами на улучшение материального положения в случае принятия «царской веры», но и, как показывают современные исследования, высокой степенью доверия к русскому народу и православной церкви [Воробьева, 2011, с. 36–37].

православных же, что небу было жарко, и этим было поддержано протестантство¹, — а то, пожалуй, вся Ливония была бы православной!

Осуществление программы Вальтера, т.е. обращение всей Ливонии в сплошную немецкую землю, началось с 1862 г. и шло так успешно, так скоро, что превзошло всякие ожидания. Работа началась и продолжалась так дружно по такому превосходно обдуманному плану, что успеха не могло не быть. Главный и единственный контингент работников ливонской колониистской интеллигенции доставляет Дерптский университет², содержимый на русские деньги. Работники не ошиблись: Русские помогли им самым существенным и решительным образом.

Чтобы превратить Ливонию в сплошную немецкую землю, необходимо было:

//Л. Зоб. 1) заставить туземцев (латышей и эстов), и Русских, проживающих в Ливонии, забыть свой родной язык и говорить только по-немецки; 2) искоренить православие между туземными крестьянами. Школа и крестьянское положение послужили для этого средствами. С 1862 г. Ливония стала покрываться густой сетью сельских лютеранских школ, причем всякое старание было приложено, чтобы эти школы никак не попали в ведомство Министерства Народного Просвещения, а оставались в ведомстве Министерства Внутренних Дел, которому решительно некогда и нет возможности следить за учебным делом у ливонских туземцев и знать чему и как учат в этих школах. Так и сделалось: Министерство Народного Просвещения ведаёт только одни православные сельские школы, а до лютеранских и не касается, лютеранские же сельские школы управляются школьным советом из пасторов и помещиков, сообщающим единство действий. Все же лютеранские сельские школы направились к тому, чтобы подавить

//Л. 4. туземный язык, заменив его немецким, и в наши дни, через 17 лет, дело устроилось уже так, что во всех сельских лютеранских школах, в низших отделениях немецкий язык сделался обязательным предметом обучения, а в высших — сделался преподавательским языком. По-русски мальчиков учат только для отвода глаз начальства, а девочек повсюду уже перестали учить русской грамоте. В результате получилось то, что Эстонец и Латыш, прошедший через школу, немечится до такой степени, что забывает свой родной язык, старается говорить по-немецки даже у себя дома, в деревне, и начинает уже стыдиться своего брата Латыша: я, мол, немец!

Некоторые крестьяне отлично видят это действие лютеранской школы и понимают, что детям их надо знать не немецкий, а русский язык на случай военной службы и

---

¹ Переход прибалтийских крестьян в православие и связанные с этим случаи неповиновения помещикам, возникавшие споры и столкновения представлялись прибалтийским дворянством как «бунт» против законного порядка. Правительство, защищавшее интересы остзейцев, вооруженным путем пресекало крестьянские выступления, в ряде случаев подвергая зачинщиков «беспорядков» суровым телесным наказаниям.

² Дерптский университет, открытый в 1802 г. по инициативе остзейского дворянства, обладал особым статусом среди университетов Российской империи, являясь преимущественно немецким по составу преподавателей и обучающихся. Преподавание в нем до 1892 г. велось на немецком языке.

заработков внутри Империи; а потому отдают своих детей в православные сельские школы, но последних всего только 126, а не всякому

//Л. 4об. удобно вести мальчика далеко и, вдобавок, пастор и помещик очень косо смотрят на такое помещение детей, — пожалуй, и с земли за это сгонят!

Латышские и эстонские газеты тоже отлично видят на что именно бьет лютеранская школа; ратуют против вторжения неметчины, но ничего сделать не могут. Из двух эстонских газет, одна — «Эста Постимес»¹ — усердный поклонник и раб неметчины; а другую — «Сакала»² — именно русскую газету, не поддававшуюся никаким ливонским каверзам, мы сами придушили, поддавшись навету из Варшавы, будто эта газета проповедует безверие и нигилизм. Из латышских газет две — «Ригас Лапа»³ и «Балтияс»⁴ — в нынешнем году совратились в неметчину и стали на сторону автономной своеобразности; осталось русскою одна — «Балс»⁵, — а известно одному трудно бороться!

Но все-таки есть еще Латыши, которые стараются устоять от напора неметчины и всячески поддержать унывающих. Устройство праздника в Митаве, 26 августа⁶, направлено именно

//Л. 5. против неметчины. Латыши собрались в Митаву праздновать свое освобождение, но, в сущности это только предлог, потому что праздновать свое

---

¹ «Ээсти Постимеэс» (эст. «Eesti Postimees» — «Эстонский почтальон») — эстонская общественно-политическая ежедневная газета, издаваемая поэтом, журналистом и лидером эстонского национального движения И.В. Яннсенем с 1863 г. в Дерпте, пользовавшаяся в эстонском обществе большой популярностью. В издании газеты активное участие принимала дочь И. Яннсена — поэтесса и основоположница эстонской драматургии Л. Койдула.

² «Сакала» (эст. — «Sakala») — эстонская общественно-политическая ежедневная газета, издаваемая прогрессивным писателем, педагогом и просветителем К.Р. Якобсоном с 1878 г. в Вильянди. Газета выступала за освобождение эстонского народа от немецкого гнета, развитие эстонской культуры и языка, защищала интересы прибалтийского крестьянства, вследствие чего неоднократно подвергалась цензурным нападениям. В 1879 г., после очередного предупреждения, выход газеты был приостановлен на 8 месяцев.

³ «Ригас Лапа» (латв. «Rīgas Lapa» — «Рижский листок») — ежедневная латышская газета, издававшаяся в Риге в 1877–1880 гг. журналистом и общественным деятелем, одним из видных представителей движения «младолатышей» Б. Дирикисом. В 1880 г. газета была объединена с более массовым и популярным изданием, редактируемым им же — «Балтияс Вестнесис».

⁴ «Балтияс Вестнесис» (латв. «Baltijas Wehstnesis» — «Балтийский вестник») — латышская газета, основанная как печатный орган Рижского латышского общества одним из его учредителей Б. Дирикисом и выходившая с 1868 по 1906 гг. Активно выступала за культурную и экономическую автономию латышского народа, способствовала развитию латышского образования и культуры.

⁵ «Балс» (латв. «Balss» — «Голос») — латышская газета, издававшаяся в Риге в 1878–1904 гг. латвийским адвокатом и журналистом немецкого происхождения А. Веберсом. Газета отстаивала интересы латышского населения, выступая против немецкого господства и «автономной своеобразности» края. Статьи «Балса», призывавшие к обширным реформам в Лифляндской губернии, неоднократно цитировались «Рижским вестником», руководимым Е. Чишихиным.

⁶ Ежегодный праздник, приуроченный к годовщине утверждения курляндского крестьянского положения 25 августа 1819 г. императором Александром I.

обезземеление и закрепощение никак не приходится; они собрались, чтобы потолковать совместно о своей крестьянской нужде, о своих житейских делах, о своих нуждах в будущем. Распорядители праздника стараются всячески, чтобы Латыши выносили из него необходимость стойкости, необходимость держаться крепко против напора неметчины, необходимость оставаться Латышами и не превращаться в Немцев.

Нам бы пользоваться¹ таким настроением, поддерживать его всячески, а Губернатор² говорит Латышам речь. Он – представитель русской Верховной Власти в губернии, защитник русских, а не германских интересов, – говорит речь не на русском языке, как подобает русскому представителю, не на местном латышском, а на языке чуждом и непонятном Латышу, – немецком!!! А за столом сидит до

//Л. 5об. 100 человек народа, – все или волостные старшины или крестьяне-хозяева. Губернатор говорит Латышам по-немецки; Царский представитель свидетельствует этим самым, что в Ливонии никакого значения и никакой силы не имеет язык государственный, а значение и силу имеет язык иноземный, Латышам вовсе не обязательный, а только навязываемый им силою, как во время оно было навязано Латышам латинство.

Факт этот показывает, что мы сами помогаем неметчине отделить Ливонию от Российской Империи, превратить Ливонию в сплошную немецкую землю.

И с каким торжеством местные немецкие газеты заявили, что Курляндский Губернатор говорил речь Латышам на немецком языке!... Как и не торжествовать: Губернатор топчет в грязь русский язык и свою речь на немецком языке ясно свидетельствует, что государственный язык в Ливонии никак не русский; Губернатор сам становится на сторону автономной

//Л. 6. своеобразности! Да здравствует Губернатор Лиленфельд, воспитанник Александровского Лицея, в котором некогда учился Пушкин, Дельвиг, Корф! Многие «Hoch»³ ему за то, что поддерживает неметчину! Как бы то ни было, как ни бьются Латыши, но им не миновать онемечения, – не миновать превращения в Немцев в самом непродолжительном времени: (самый дальний срок 10 лет), если мы не возьмемся наконец за ум.

Но выгодно или не выгодно превращение Ливонии в сплошную немецкую землю для государства?

---

¹ Подчеркнуто автором.

² С 1868 по 1885 г. Курляндским губернатором был П.Ф. Лиленфельд-Тоаль (1829–1903) – российский государственный деятель и крупный ученый-социолог. В 1848 г. с отличием закончил Александровский лицей. Государственную службу сочетал с научной деятельностью в области органической социологии. Являлся президентом Международного института социологии.

³ Ура! (нем.).

Если выгодно, то и толковать нечего, fiat voluntas tua¹, о Немец! — Если же не выгодно, то зевать нечего: долой немецкий язык из сельских школ, — чтобы и духа его там не было, а чтобы обязательным предметом обучения был язык русский, Латышам и Эстонцам столь необходимый для военной службы и заработков во внутренних губерниях. Но чтобы действительно и духа его не было, необходимо: 1) Ирмлаускую и Валкскую учительские семинарии² преобразовать по общерусскому образцу, с преподавательским языком русским; 2) все сельские лютеранские школы подчинить ведомству Министерства Народного Просвещения.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 1288.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Воробьева Л.М. История Латвии от Российской империи к СССР. М.: Издательство «ФИВ», 2011. 384 с.

Выдающиеся русские латвийцы. Рига: «IK ZORIKS», 2008. 160 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. За. Д. 1288.

Двадцатипятилетие «Рижского вестника» 1869–1894 // *Рижский вестник*. 1893. № 288. 31 декабря.

Емельянов Е.П. Остзейский вопрос на страницах славянофильских газет (1861–1868 гг.) // *Документ. Архив. История. Современность*. 2014. № 14. С. 218–225.

Лебедева Г.Н. Остзейский вопрос в публицистике М.Н. Каткова // *Тетради по консерватизму*. 2018. № 3. С. 274–286.

Памяти Евграфа Васильевича Чешихина: К двадцатипятилетию со дня его кончины (1888–2 марта 1913 г.). Рига: Изд. «Риж. Вестн.», 1913. 56 с.

О курляндском латышском празднестве // *Рижский вестник*. 1879. № 192. 28 августа
Рижский вестник. 1883. № 287. 31 декабря

Самарин Ю.Ф. Письма из Риги // *Самарин Ю.Ф. Сочинения*. Т. VII. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко. 1889. 659 с.

Самарин Ю.Ф. Окраины России // *Сочинения Ю.Ф. Самарина*. Т. 8. Москва: Тип. А.И. Мамонтова. 1890. 624 с.

---

¹ Да будет воля Твоя! (лат.).

² Ирмлауская (Ирлавская) (Курляндская губ.) (открыта в 1840 г.) и Валкская (Лифляндская губ.) (открыта в 1839 г. в Вольмаре, в 1853 г. перенесена в Валк) учительские семинарии — учебные заведения для подготовки школьных учителей, содержавшиеся на средства местного дворянства и мызных управлений, преподавание в которых велось исключительно на немецком языке.

REFERENCES

- Vorobyova L.M. *Istoriya Latvii ot Rossijskoj imperii k SSSR* [History of Latvia from the Russian Empire to the USSR]. Moscow: FIV Publ., 2011. 384 p. (in Russian).
- Vy'dayushhiesya russkie latvijcy* [Prominent Russian Latvians]. Riga: IK ZORIKS Publ., 2008. 160 p. (in Russian).
- State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 109. Inv. 3a. D. 1288.
- Dvadczatipyatiletie "Rizhskogo vestnika" 1869–1894 [The twenty-fifth anniversary of the "Rizhsky Vestnik" 1869–1894], in *Rizhskij vestnik*. 1893. Vol. 288. December 31 (in Russian).
- Emelyanov E.P. Ostzejskij vopros na straniczah slavyanofil'skix gazet (1861–1868 gg.) [Ostsee question on the pages of Slavophile newspapers (1861–1868)], in *Dokument. Arxiv. Istoriya. Sovremennost'*. 2014. Vol. 14. Pp. 218–225 (in Russian).
- Lebedeva G.N. Ostzejskij vopros v publicistike M.N. Katkova [The Ostsee question in the journalism of M.N. Katkova], in *Tetradj po konservatizmu*. 2018. Vol. 3. Pp. 274–286 (in Russian).
- Pamyati Evgrafa Vasil'evicha Cheshixina: K dvadczatipyatiletyu so dnya ego konchiny' (1888–2 marta 1913 g.)* [In memory of Evgraf Vasilyevich Cheshikhin: On the twenty-fifth anniversary of his death (1888–March 2, 1913)]. Riga: "Rig. Vestn. Publ., 1913. 56 p. (in Russian)
- O kurljandskom laty'shskom prazdnestve [About the Courland Latvian Festival], in *Rizhskij vestnik*. 1879. Vol. 192. August 28 (in Russian)
- Rizhskij vestnik*. 1883. Vol. 287. December 31 (in Russian)
- Samarin Y.F. Pis'ma iz Rigi [Letters from Riga], in Samarin Y.F. *Sochineniya* [Works]. Vol. VII. Moscow: A.I. Mamontov and Co. Publ., 1889. 659 p. (in Russian)
- Samarin Y.F. Okrainy' Rossii [Outskirts of Russia], in *Sochineniya Y.F. Samarina* [Works of Y.F. Samarina]. Vol. 8. Moscow: A.I. Mamontov Publ., 1890. 624 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 14.08.2023